

Севастов Кирилл Валерьевич

ОБРАЗОВАНИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ:

ЛОКАЛИЗАЦИЯ КРИЗИСА В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

***Аннотация:** в главе проведен анализ кризиса образования как феномена культуры постмодерна (кризис образования рассмотрен как аспект общего постмодернистского кризиса). Локализация кризиса показана как неотъемлемая часть целостности кризисного положения культуры постмодерна. Разработан метод феноменологической аппликации, на основе которого намечается направление выхода образования из кризисного состояния.*

***Ключевые слова:** образование, культура постмодерна, кризис культуры, антитрадиционность, глобализационность, информатизационность, принцип ацентризма, бесполярность, разновекторность, феномен игры, личностная идентичность, профессиональная идентичность.*

***Abstract:** the chapter analyzes the crisis of education as a phenomenon of post-modern culture (the crisis of education is considered as an aspect of the general post-modern crisis). The localization of the crisis is shown as an integral part of the integrity of the crisis status of postmodern culture. A method of phenomenological application is developed, on the basis of which the direction of the exit of education from the crisis status is outlined.*

***Keywords:** education, postmodern culture, crisis of culture, anti-traditionalism, globalization, informatization, the principle of acentrism, non-polarity, multivectorness, game theory, personal identity, professional identity.*

...Из образования делают подсистему социальной системы и применяют к каждой из его проблем все тот же критерий результативности.

Жан-Франсуа Лиотар

[6, с. 117].

1. Образование в культуре постмодерна: проблема контекста

Идеология постмодернизма прочно укрепилась как в общесоциальной, так и в культурной сферах человеческого бытия. Этот процесс затронул такой культурный феномен и социальный инструмент аккультурации, как образование.

В силу этого тщательное рассмотрение его кризисного состояния требует обозначить социокультурный контекст его возникновения, т. е. предпосылки формирования нового типа культуры – культуры постмодерна.

Постмодернистская культура генетически связана с культурой модерна (не столько опираясь, сколько отталкиваясь от нее).

Отличительной чертой культуры модерна является безусловное следование концепции абсолютов, при этом ожидания общества относительно устремлений человеческого сознания и разума к высшей точке достижения общего блага не были оправданы. В данных условиях модернистская идеология была подчинена необходимости обратиться к иному виду ожидания – переопределению, обусловившему появление нового этапа становления культуры – постмодерну, который изначально привлек к себе внимание именно как стадия самого модерна – культурный модерн [12].

Тем не менее интерес к новому направлению культуры Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса развеял сомнения в зарождении собственно нового состояния культуры [1, с. 60–61].

Так, идея постмодерна в концепции Ж.-Ф. Лиотара претерпела определенную эволюцию. Первоначально философ указывал, что постмодерн – это не что иное, как «внутреннее развертывание самого модерна» [1, с. 61]. Исследуя и описывая продолжающийся кризис метанарративов, который никоим образом не свойственен модерну, Ж.-Ф. Лиотар определяет постмодерн как новое состояние культуры, предложив такую мягкую формулировку его дефиниции, как «недоверие в отношении метарассказов» [6, с. 10], а позднее и вовсе именуется постмодерн «парадоксом предшествующего будущего» [5, с. 32], уточняя, что «...художник и писатель работают без каких бы то ни было правил, работают для того, чтобы

установить правила того, что будет создано: еще только будет – но уже созданным» [5, с. 31–32].

Следует отметить, что такое осмысление постмодерна Ж.-Ф. Лиотаром как альтернативы модерну, является в полной мере обоснованным.

В то же время Ю. Хабермас не рассматривает модерн и постмодерн как оппозиционные «проекты европейской философии» и выстраивает новую концепцию с позиции авангардизма [4; 12]. Позже Ю. Хабермас допускает наличие трансформации модерна в постмодерн [13], однако объяснение этого положения маловероятно при утверждении, что «постмодерн включен в повестку дня, но без интеллектуальной интеграции» [1, с. 61].

Постмодерн в ходе своего формирования проявляет себя в разных аспектах. Первый аспект – это нарушение культурного баланса в культурной жизни общества, второй – ответ на кризис идей уходящего модерна. И, что имеет существенное значение, сам ход преобразования модерна в постмодерн не идейно направлен и, тем более, революционен – он прогнозируем и убедителен.

Как бы то ни было, постмодерн, целью которого было исправление стоящего перед модернистской эпохой морального идеализма, потерпел фиаско и тем самым обрек культуру в целом на затяжной кризис. В частности: постмодерн, подвергнув критике теорию безусловной истины, стремясь ее вытеснить, ничего не предлагает в качестве альтернативы, помимо, разумеется, применения постоянных нестатичных структур, форм и реминисценций, а также презумпции общей иронии и утверждения, что все в этом мире является вторичным.

2. Образование в культуре постмодерна: проблема метода исследования

С целью исследования специфики функционирования института образования в современном контексте предлагается обоснование метода, который можно обозначить как *метод феноменологической аппликации* (не путать с применением феноменологии Э. Гуссерля).

Суть его состоит в следующем.

Прежде всего, необходимо обозначить основополагающие феномены, характерные для соответствующей (в данном случае – постмодернистской) эпохи и имеющих не только значимый вес для образования, но и оказывающих влияние на общество в целом. Эти феномены в своем единстве создают базу метода феноменологической аппликации, который позволит выявить специфику функционирования института образования в данном социокультурном контексте и на базе этого очертить направление выхода из кризиса культуры постмодерна.

В данном случае таких феноменов три.

Феномен 1: Антитрадиционность культуры.

Децентрализация социокультурных парадигм в постмодернистскую эпоху явилась причиной становления иного типа культуры, не ставившей в приоритет весомость роли традиции как таковой, тем самым делая попытку формирования нового социокультурного базиса, выстроенного на антитрадиционализме.

Так, в теории постмодерна традиция в целом претерпевает тотальную критику и, «не найдя сферы для интерпретаций и свободных ассоциаций» [10, с. 84], заявляет о решительном отрицании традиционности во всех ее проявлениях. Тут и появляется противоречивый параллелизм: во-первых, постмодерн, как правило, не рассматривает безапелляционность и всеохватность в каждом проявлении, однако именно это и случилось в прецеденте отрицания традиционности; во-вторых, постулирование постмодерном беспредельной вторичности окружающего мира не затронули традицию как таковую, являющейся вторичной в принципе. Поэтому в данном случае важно отметить внутреннюю неоднозначность постмодернистской системы: с одной стороны, постмодерн утверждает безмерную вторичность, но с другой – отрицает традицию, природная суть которой не что иное, как именно вторичность.

Это и обусловило проявление одного из фундаментальных внутренних конфликтов постмодерна: экзистенциальное измерение феномена традиции заключается именно в самоинтерпретации, что никак не предусматривалось всякого рода сторонней постмодернистской интерпретативностью.

Феномен 2: Глобализационность культуры.

Постмодерн стал своего рода предпосылкой процесса глобализации, затронувшего все социальные институты. По сути своей глобализация является гипер-социальным процессом, редуцируя тем самым личное как неотъемлемую часть социальной жизни. Иными словами, социальное становится мнимым, а общество – нечеловекомерным.

Принципиально важно подчеркнуть, что в целом глобализация базируется на конкретно сложившемся мировоззрении, что как раз не идет вразрез с «постмодернистской концепцией использования готовой формы» [7, с. 134]. Однако постмодернистская теория не может дать однозначного представления о процессе глобализации, поскольку феноменологически для нее характерно не классическое, а, следовательно, множественное определение формы.

Феномен 3: Информатизационность культуры.

Процесс информатизации является производным продуктом глобализации. Если исходно это было связано с быстрым развитием информационных технологий, то в настоящее время информатизация может функционировать достаточно автономно от глобализационных факторов, поскольку в ее арсенал уже органично включены такие процессы, как перераспределение массовой интеграции, распространение различных достижений, оптимизация социокультурных образований и др.

Следует подчеркнуть, что планетарное масштабирование информационных процессов стало одним из неотъемлемых оснований общей глобализации. Однако, по мере совершенствования информационных технологий и, соответственно, с ростом информационного пространства, информатизация приобрела определенную самостоятельность, поскольку изначальное преимущество информационного обмена внутри глобализационной реальности теряет свою безусловность в силу легкости распространения дезинформации.

Итак, глобальная информатизация радикально трансформирует все социокультурные институты, формируя новую конфигурацию общества в целом – информатизированное общество [7, с. 133], которое в своем информационном развитии достигло того предела, когда значимость владения информацией как

таковой перестала быть чем-то, придающим определенную социальную уникальность внутри эпохи информационного перенасыщения. Все информационные процессы так или иначе оказываются достоянием всего общества и, соответственно, теряется исключительность владения информацией. Динамичность информационно-технологического развития общества привела к тому, что информационный прогресс не только регрессивно воздействовал на значимость информации как таковой, но и вскоре стер грани между подлинной и недостоверной информацией в целом. В культуре постмодерна это, в свою очередь, и привело к тому постмодернистскому суждению, что истина является переменной величиной [11, с. 19].

Таким образом, какой бы ни был взят ракурс исследования постмодерна, можно сказать, что определение *постмодернистская культура* может быть оценено как *культура парадокса*.

С другой стороны, культурная парадоксальность, как правило, рано или поздно порождает кризис. Именно в состоянии конфликта разной меры интенсивности находятся не только отдельные социокультурные процессы, но и культура постмодерна в целом.

Сказанное позволяет сделать два вывода:

1) *содержательный вывод*, который заключается в том, что преодоление кризиса возможно только при дифференцированном подходе к локальным кризисным состояниям;

2) *методологический вывод*, который заключается в том, что именно феноменологическая аппликация может оказаться адекватным методом для исследования кризиса образования, позволяющим не только раскрыть его сущность, но и наметить направление выхода из него.

Итак, в этом контексте образование может рассматриваться как локальное проявление кризисного состояния культуры. С одной стороны, образование – социальный институт, преследующий цель социальной адаптации; с другой стороны – совокупность концентрации, раскрытия и передачи культурного опыта [7, с. 132]. Тем не менее постмодернистская теория опирается на совершенно

иное понимание как социального, так и культурного в целом, пытаюсь сформировать мировоззрение, основанное на бессистемном и аструктурном фундаменте (принцип разновекторности), и тем самым заменить реальность иллюзией (принцип бесполярности).

3. Образование в культуре постмодерна: проблема выхода из кризиса

Для достаточно достоверной интерпретации состояния кризиса в образовании его следует провести через описанный выше метод феноменологической аппликации.

1) образование и традиция.

Постмодернистский отказ от классических традиций приводит к глобальному пересмотру таких атрибутивных основ феномена образования, как:

– *авторитетность*, структурирование которой, с позиции постмодерна, не является областью свободной интерпретации;

– *традиционность* определений, четкие дихотомии противоположных дефиниций которых постмодерн разрушает по такому критерию, как ацентризм (бесполярность и разновекторность);

– *преемственность*, дифференциация и институциональная градация, которые отвергаются постмодерном в интересах пересмотра существующих парадигм при поддержке постоянных интерпретаций и метафоричности.

Соответственно, в противовес традиционной образовательной методологии с ее упорядоченностью и последовательностью постмодерн постулирует идеи онтологической плюральности, антирациональности, симметричности образовательной общности и правового паритета [10, с. 82–84].

Поскольку традиция в целом изначально была искаженно понята постмодерном (что и предопределило антитрадиционность как ее категорическое неприятие), постольку постмодернистская критика классического образования остается сугубо негативной, не приводя к его реальным трансформациям.

Таким образом, образовательный кризис является ответной реакцией на условный и мнимый анализ постмодерном основательности традиции «как

базиса – упорядоченного набора векторов – для последующих стадий ассоциативности и интерпретации» [10, с. 85];

2) образование и глобализация.

В постмодернистской оценке образование (в классической его трактовке) оценивается как инструмент для создания фактически иллюзорного статуса субъекта, часто не предусматривающего последующего использования полученных знаний, умений и навыков, а тем более их целесообразности в глобализационном перманентно-трансформирующемся контексте современного общества.

Так, Ж.-Ф. Лиотар, говоря об образовании как таковом, подчеркивает довлеющее значение такой образовательной цели, как цель рациональная, которая предполагает формирование престижного социального статуса субъекта, что в итоге доминирует над гуманистическими, культурными и другими целями. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, всеобщая доступность образования, характерная для современного общества, не ставит целью формирование элит [6, с. 119]. Иначе говоря, если образование, имевшее статус элитарности в классической культуре (образованность рассматривалась в проекции исключительности и избранности), то в современной культуре образование начинает рассматриваться как сфера услуг.

Тем самым формальный рост образованности населения парадоксальным образом привел к псевдообразованности общества и, как следствие, к снижению оценки значимости образования как такового.

Тем не менее культурный опыт, несомненно, транслируется как между поколениями, так и внутри них, однако актуальность это опыта далеко не всегда является несомненной [8, с. 43]. Кроме того, экспоненциальный рост накопления информации человечеством, а также скорость изменения культурных установок, приводят к тому, что образование, не успевая в своих трансформациях за потребностями культуры, не может в полной мере выполнять свою изначальную функцию передачи культурно-исторического опыта;

3) образование и информация.

С точки зрения классической культуры реальность имеет бинарную природу – мир одновременно обладает как материальными, так и нематериальными свойствами. В то же время постмодернистской парадигме бесполярности бинаризм не свойственен.

В свой черед, современное информационное поле как феномен текущей реальности обусловлено постоянной нестабильностью и, несмотря на то что информация по своей природе, как и реальность, двойственна (информация / дезинформация), в постмодернистскую эпоху она теряет свою изначальную полярность. В этом плане по причине всеобщей информатизированности граница между информацией и дезинформацией может растворяться, что приводит к устранению бинарности и созданию так называемой *переходной информационной стадии*, которая в полном объеме свидетельствует о том, что информация в культуре постмодерна как минимум троична, что разумеется, коррелирует не только с постмодернистской парадигмой разновекторности, но и с принципом ацентризма в целом.

Таким образом, многовекторность постмодерна семантически соответствует размыванию классической четкости границ между информацией и дезинформацией (истинностью и ложностью в логическом смысле этих терминов).

Вместе с тем для постмодернистского общества, как и для всех его структур и подструктур, универсально характерна их фрагментация разной степени интенсивности. Следовательно, такие системообразующие структуры общественного сознания, как религиозные, философские, научные и т. д., в современном мире теряют свою объективность и категоричность (принцип ацентризма).

Тем самым из-за нестабильности глобальной информации в ее постмодернистском измерении, когда достоверность информационного поля является изменяющейся переменной, развитие культуры требует регулярного информационного восполнения, так называемого «обновления информации, возводя ее в разряд актуальной» [8, с. 44].

Так или иначе, исходя из утверждения о том, что образование рассматривается как социально-адаптационный инструмент универсальной аккультурации,

справедливо суждение о том, что в условиях современной культуры образование в традиционном понимании не соответствует не только своей критериальной сущности, но для субъекта образования «не выступает гарантом социальной адаптивности: существует определенный риск отсутствия соответствия между приобретенными знаниями, умениями и навыками и социальной действительностью» [7, с. 133], которая заключается в информационной нестабильности, при этом образовательная информационная база неспособна к подобной информационной чувствительности.

В свою очередь, нестабильность социальной адаптивности в контексте глобализации влечет за собой постепенное смещение кризисного состояния культуры от социального в целом к локализованному, т. е. внутриличностному. Данная конфликтная зависимость обусловлена предсказуемой логикой вещей: субъект все еще единица социума.

Так, адаптивный кризис прослеживается от начала формирования личностной идентичности к личностному кризису и, как следствие, к кризису профессиональной идентичности. А именно: специфика социальной адаптации субъекта в современной глобализационной реальности акцентирует значимость профессиональной идентификации.

Важно отметить, что идентификационному кризису внутри культуры постмодерна способствует в первую очередь децентрированность культуры постмодерна [2, с. 28]. Тем не менее в глобализационном пространстве современности особую значимость приобретают именно личностная и профессиональная идентичности.

В свете этого следует определить, что именно можно подразумевать под личностной идентичностью в рамках постнеклассической культуры.

Уточняя и расширяя существующие определения личностной идентичности, можно утверждать: личностная идентичность в контексте культуры постмодерна – это реалистичный, но в то же время нестабильный элемент самосознания (в итоге – свойство субъекта), которому свойственно бесконечное множество почерпнутых из культуры образов (устоявшихся клише, за которыми зачастую не

стоит реальных образцов социальной активности), и, как следствие, компилирование и варьирование их.

Таким образом, личностная идентификация в контексте нестатичности ценностных ориентиров, свойственных современной культуре, проходит в своем развитии, как и все социальное, кризисную фазу.

Рассматривая проблему личностной идентичности, следует обратить особое внимание на такую постмодернистскую концепцию, как феномен игры, который является доминирующим в наборе современного социально-адаптивного инструментария [9, с. 325].

Опираясь на концепцию Ж. Батая об игре (в рамках которой игра предстает как не имеющая внешней цели помимо собственной процессуальности), можно определить, что в состоянии игры субъект обладает свободой надления смыслом того, что этого смысла изначально не имеет [3, с. 115]. Соответственно, нивелируя изначальное понятие смысла, постмодернизм придает этому термину принципиально новое (господствующее) значение: им наделяет субъект, обладающий выбором [3].

Игровое связующее соединяет такие понятия, как свобода и выбор, а также «преобразует формулу «свобода || выбор» в формулу «свобода = выбор», и, в свою очередь, обесценивая само понятие «свобода выбора»: свобода и есть выбор» [9, с. 325].

Так, при описанном разрыве свободы и выбора, последний полностью теряет свою идентификационную значимость, тем самым уступая понятию свободы лидерство, потому как «концепция свободы абсолютна и не может быть ограничена выбором» [9, с. 325]. Соответственно, для освобожденного от неизбежности выбора субъекта смысл обретает лишь сама игра и сопутствующая ей абсолютная свобода в этой игре.

В этом контексте профессиональная идентичность (как результат профессиональной идентификации) можно определить, как собирательное и комплексное свойство субъекта, ведущее к самоотождествлению с определенной социальной

группой и выступающее в условиях глобализации (в отличие от традиционного общества) доминирующим фактором профессионального развития субъекта.

В современной культуре профессиональная идентичность, как и любой другой вид идентичности (личностная, социальная, гражданская, национальная и др.), переживает кризисное состояние, а субъект, соответственно, сталкивается с проблемой профессионального самоопределения.

Анализируя понятие профессиональной идентичности через постмодернистскую концепцию феномена игры, можно определить, что субъект не в состоянии обладать свободой, которую подразумевает игра, но в то же время субъект обладает профессионально-идентификационным выбором, выйти за пределы рамок которого, безусловно, не в состоянии.

В итоге можно констатировать, что проведенный выше феноменологический анализ позволил наметить направление выхода образования из кризиса, к которому его привела негативная критика постмодернизмом базовых оснований классического образования. Это направление ориентирует на реконструкцию феномена профессиональной идентичности, что позволит обеспечить профессиональную адаптацию субъекта в современных условиях.

Список литературы

1. Андерсон П. Истоки постмодерна / П. Андерсон; пер. с англ. А. Апполонова. – М.: Территория будущего, 2011. – 200 с.
2. Богданова О.А. Кризис идентичности личности в культуре постмодерна / О.А. Богданова // Научная мысль Кавказа. – 2016. – №2. – С. 26–31.
3. Вигель Н.Л. Человек в культуре постмодерна / Н.Л. Вигель // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – №2. – С. 114–117.
4. Кабанова Л.И. Модерн и модернизм: пути и траектории становления в европейской и русской культуре / Л.И. Кабанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: сб. ст. №6, ч. 3 / ред. кол.: А.И. Демченко (гл. ред.) [и др.]. – Тамбов, 2011. – С. 86–89.

-
5. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма 1982–1985 / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. А.В. Гараджи. – М.: Изд-во РГГУ, 2008. – 145 с.
 6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2015. – 159 с.
 7. Севастов К.В. Конвергентные процессы в современном образовании: постмодернистский дискурс / К.В. Севастов // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского международного конгресса. Т. 2 (Москва, 24 дек. 2020 г.). – М.: Инфинити, 2020. – С. 132–137.
 8. Севастов К.В. Образование в культуре постмодерна: кризис результативности / К.В. Севастов // Социально-гуманитарные знания: материалы XVII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов (Минск, 26 нояб. 2020 г.) / Республиканский институт высшей школы; ред. кол.: И.В. Титович (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2020. – С. 43–46.
 9. Севастов К.В. Проблема самоидентификации в культуре постмодерна / К.В. Севастов // Научные труды РИВШ. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. Вып. 19 / Респуб. ин-т высш. школы; редкол.: В.А. Гайсенок (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2020. – С. 319–326.
 10. Севастов К.В. Традиционная и постмодернистская стратегии образования: анализ конфликта / К.В. Севастов // II Международное книжное издание стран Содружества Независимых Государств «Лучший молодой ученый – 2020»: сб. ст. / II международная книжная коллекция научных работ молодых ученых; под ред. Х. Маслова. – Нур-Султан: Бобек, 2020. – С. 81–85.
 11. Фуко М. Дискурс и истина / М. Фуко; пер. с англ. А.М. Корбута; – Минск: Пропилеи, 2006. – 152 с.
 12. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии: сб. ст. №4 / РАН. – М., 1992. – С. 40–52.
 13. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас; пер. с нем. М.М. Беляева. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.
-

Севастов Кирилл Валерьевич – аспирант кафедры философии и методологии университетского образования, магистр искусствоведения, ГУО «Республиканский институт высшей школы», Беларусь, Минск.